

— Тот самый... ну, парень с той стороны наговорил всякого, а Да Бинь, как назло, услышал.

— У Да Биня и раньше были с ним терки. Тот, кто организовывал встречу, не знал об их вражде, вот и пригласил обоих.

— Мы сами только на месте поняли, что к чему. Я сразу хотел утащить Да Биня оттуда.

— Но он упёрся, сказал, что ему плевать на того парня, сел и начал пить. А дальше ты и сам знаешь.

Чан Лэ почувствовал, как заныла голова. Ну что за люди, никакой от них жизни, одни проблемы.

О чём именно зашла речь, можно было даже не гадать. Тот тип задира Да Биня уже не первый день. Но раньше всё ограничивалось словесными перепалками, с чего вдруг сегодня дошло до драки?

Чан Лэ направился к толпе. Стоило ему подойти, как зеваки притихли. В комнате стало так тихо, что слышны были только глухие удары кулаков Се Биня по телу противника да стоны того, кто валялся на полу, перемежаемые отборной бранью.

— Да Бинь.

Се Бинь услышал голос и замер. Он никак не ожидал, что Чан Лэ действительно приедет. Он разжал руки, отшвырнул парня в сторону, поднялся и, опустив голову, подошёл к Чан Лэ.

Се Бинь потянул его за рукав:

— Прости, что доставил тебе неприятности. Я не нарочно.

Чан Лэ не знал, что и сказать. Се Бинь всегда так делал: стоило ему почувствовать, что Чан Лэ начинает злиться, как тут же принимался извиняться, не давая ни шанса выплеснуть гнев.

Чан Лэ беспомощно вздохнул. Он посмотрел на противоположную группу. Тот, что лежал на полу, явно был просто пешкой, которую выставили вперёд. А вот заводилу, стоящего в центре, Чан Лэ видел впервые.

— Сегодня мой человек повёл себя несдержанно, — произнёс Чан Лэ, — но все мы прекрасно знаем, с чего всё началось.

— Расходы на лечение я оплачу. Если есть ещё какие-то претензии — высказывайте сейчас.

Как только мы выйдем за эту дверь, всё будет забыто. Договорились?

Главарь той группы усмехнулся:

— Ладно. Раз господин Чан так сказал, значит, так тому и быть. Нам, мелким сошкам, с вами тягаться не по зубам.

— Ради уважения к господину Чану будем считать, что он просто получил по заслугам за свой поганый язык. Будет ему уроком.

Сказав это, он развернулся и ушёл. Его люди подхватили стонущего парня и потащили за собой. Остальные зеваки, поняв, что шоу окончено, тоже начали понемногу расходиться. Вскоре в комнате остались только свои.

Чан Лэ повернулся к друзьям, помрачнев лицом:

— Ну, рассказывайте. Кто это был? Как вы могли так легко попасться на провокацию? Вы что, совсем головы растеряли?

Те переглянулись, но молчали. В конце концов вперёд вытолкнули того, кто звонил Чан Лэ.

— Лэ-бао, не злись. Мы просто не подумали.

— У Да Биня сегодня было паршивое настроение, вот мы и решили скрасить ему вечер парой кружек.

— Сначала всё было нормально. Когда тот тип подошёл, мы подумали, что он, как обычно, ищет повод поцапаться, и не придали значения.

— Кто же знал, что он теперь стал чьим-то прихвостнем?

— Тот главарь, видимо, что-то ему нашептал. Тот подошёл и сразу начал нести чушь, причём каждое слово — в твой адрес.

— Ты же знаешь Да Биня. Его самого можно поливать грязью сколько угодно, ему плевать. Но стоит задеть тебя — он взрывается, как пороховая бочка. Мы даже удержать его не успели.

Этого парня звали Янь Ми. Имя оправдывало его на все сто: болтал он без умолку. Когда Чан Лэ познакомился с ним в школе, тот уже вовсю травил байки с незнакомцами. Позже, когда они сдружились, Чан Лэ узнал, что они тогда видели друг друга в первый раз, хотя по их манере общения казалось, что они знакомы с пелёнок. Позже, когда Чан Лэ пригласил его с

другими друзьями к себе домой, выяснилось, что все они живут в одном коттеджном посёлке неподалёку — возможно, они и раньше где-то пересекались.

Вернувшись в реальность, наглый Янь Ми уже по-свойски обнимал Чан Лэ за плечи, пытаясь своим врождённым даром заговаривать зубы сгладить ситуацию.

Чан Лэ резко дёрнул плечом, сбрасывая его руку:

— Хватит. Ты же не первый день знаешь, что на меня это не действует.

— То, что вы не смогли удержать Да Биня, я тоже учту. С вами разговор позже. А теперь пусть виновник торжества сам расскажет, что у него было на уме?

Чан Лэ скрестил руки на груди и сел на диван, ожидая, что главный преступник признается в содеянном.

Янь Ми, мастер игры на публику, уже было приготовился изобразить вселенскую скорбь, но один взгляд Чан Лэ заставил его замолчать. Он понуро потянул своего товарища по несчастью в сторону, бросил Се Биню взгляд, полный сочувствия, и закрыл рот.

Се Бинь проигнорировал его и просто стоял перед Чан Лэ. Он был похож на огромного пса, который знает, что натворил дел, и теперь покорно ждёт приговора хозяина.

Вид Се Биня вызывал у Чан Лэ лишь головную боль. Он прекрасно понимал, почему всё так вышло. Если не считать Ноэля, о котором Чан Лэ почти не помнил, Се Бинь был тем самым другом, с которым он рос бок о бок. Они были ровесниками, а их семьи — давними друзьями.

В детстве Се Бинь был точно таким же: молчаливый, замкнутый, лишённый той ребяческой живости, что присуща другим. Когда семьи ходили друг к другу в гости на праздники, они брали детей с собой. Так они и сблизились. Маленький Чан Лэ заинтересовался ровесником, который вечно сидел в углу и смотрел в одну точку.

Однажды Чан Лэ, получив в подарок новую игрушку, подошёл к Се Биню:

— Почему ты всегда сидишь один и молчишь? Пойдём играть вместе!

— Смотри, папа купил мне новую игрушку, она классная.

Не дожидаясь ответа, он просто утянул его за собой. С того дня у Чан Лэ появился хвостик. Се Бинь ходил за ним повсюду и выполнял любую просьбу без лишних вопросов. Старшие часто подшучивали над ним: мол, такой вымахал, а ведёт себя как послушная невестка. Неизвестно, то ли из-за этих шуток, то ли по какой-то другой причине, но со временем Се Бинь стал вести

себя странно.

Чан Лэ знал о своей ориентации, поэтому разбирался в мужских чувствах. И хотя само понятие любви было для него ещё чем-то туманным, он начал понимать: то, что делает Се Бинь, давно вышло за рамки дружеских отношений.

После долгих раздумий Чан Лэ решил объясниться. После того разговора между ними повисла долгая, тяжёлая тишина. Когда Чан Лэ уже хотел уйти, чтобы дать ему время прийти в себя, Се Бинь наконец заговорил:

— Я понял. Я больше не перейду черту.

Он опустил голову, скрывая выражение лица, и из его горла вырвался хриплый шёпот:

— Мы ведь останемся друзьями?

— Да, мы останемся друзьями.

Чан Лэ был в смятении. Он понимал, что чувствами нельзя заставить себя быть счастливым. Дружеская привязанность и любовь — разные вещи. Чан Лэ не мог врать, давая Се Биню ложные надежды.

Се Бинь снова долго молчал.

— Этого достаточно.

Он поднял голову и улыбнулся. Редкая улыбка, полная юношеской печали. В глазах блеснули слёзы, но тут же исчезли, стоило ему моргнуть.

Это был первый раз, когда Чан Лэ столкнулся с такой сильной привязанностью со стороны человека, с которым его не связывали узы крови. Но он не мог дать ему никакой надежды — такая надежда была бы жестокой как для него самого, так и для Се Биня.

С тех пор Се Бинь стал сдержаннее. Они молчаливо поддерживали этот статус-кво.

<http://bllate.org/book/22222/2318854>